

УДК 811. 161

О.Н. Голикова

**ОДНОРОДНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ РЯДЫ КАК ОСНОВА
ФАСЦИНАТИВНОСТИ СТИХОТВОРЕНИЯ Д. АРБЕНИНОЙ «FLY»**

Голикова О.М.

ОДНОРІДНІ ГРАМАТИЧНІ РЯДИ ЯК ОСНОВА ФАСЦИНАТИВНОСТІ ВІРШУ Д. АРБЕНІНОЇ «FLY»

У статті розглядаються однорідні граматичні ряди як мовний засіб створення фасцинованості віршу Д. Арбеніної «FLY». Особливу увагу автор приділяє аналізу контамінованих номінативно-інфінітивних рядів. Описано мовну природу зазначених одиниць та їхній мовленнєвий потенціал.

Ключові слова: однорідний граматичний ряд, номінативний ряд, інфінітивний ряд, контамінований номінативно-інфінітивний ряд, номінатив, інфінітив;

Голикова О.Н.

ОДНОРОДНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ РЯДЫ КАК ОСНОВА ФАСЦИНАТИВНОСТИ СТИХОТВОРЕНИЯ Д. АРБЕНИНОЙ «FLY»

В статье рассматриваются однородные грамматические ряды как языковое средство создания фасцинованности стихотворения Д. Арбеніной «FLY». Особое внимание автор уделяет анализу контаминированных номінативно-инфинитивных рядов. Описывается языковая природа указанных единиц и их речевой потенциал.

Ключевые слова: однородный грамматический ряд, номінативный ряд, инфинитивный ряд, контаминированный номінативно-инфинитивный ряд, номінатив, инфинитив;

Golikova O.N.

HOMOGENEOUS GRAMMATICAL ROWS AS THE TOOL OF MAKING ARBENINA'S VERSE «FLY» FASCINATING

The article is devoted to investigation into the homogeneous grammatical rows as the tool of making Arbenina's verse «FLY» fascinating. The author pays special attention to the analysis of contaminated nominative-infinitive rows. The units' language nature and text potential are discussed.

Key words: homogeneous grammatical row, nominative row, infinitive row, contaminated nominative-infinitive row, nominative, infinitive.

FLY

я не знаю что ты любишь:

*цветы или книги
портвейн или театр
боно или бритни.
термосы из стали
или чашки в горшок
псов-великанов или
карликового роста.
молоко или брут
joint на Гаити –*

я хочу что-нибудь подарить тебе!

я не знаю что ты любишь:

*зоопарк или джунгли
дайвинг на сто метров
или джомолунгму.
буковски или кафку
помидоры или суши
только говорить или только слушать.
ван гога или репина
магний или литий*

может что-нибудь другое подарить тебе?

*байки или ролики
кеды или сланцы
мальчиков-чистюль
девочек-засранцев.
трахаться в подъезде
петь в церковном хоре
пилюли от кашля или в вену уколы
дергать стоп-кран
или следовать политике*

я просто не представляю что подарить тебе!

*что скажешь
если я подарю тебе город?
сбежим туда порознь
встретимся в полночь
в портовом перчёном районе ла бока
под боком у смерти
под оком у бога?
что скажешь?
врожденным
охришим
гортанным вокалом
вспорота ночь.*

*я всему потакала.
и мозг изумлённо
трогал на ощупь
ответ на вопрос:
кто из нас проще?*

*я знаю что ты любишь:
континенты и глину
курить под дождем
абсент и малину
газеты в кафе
бортовые журналы
я знаю что ты любишь
больше папу чем маму
в саду рвать сирень
плавать рядом с манатки
грызть косточки сливы
рвать чёрные платья
ходить по земле
улыбаться открытиям*

я хочу все это подарить тебе!

Одним из постулатов лингвопоэтики является утверждение об особых возможностях языковых единиц всех уровней в поэтической речи по сравнению с общеязыковыми. В частности, говоря о синтаксисе поэтической речи, ученые пишут о «расширении» его возможностей, более интенсивном использовании потенциала синтаксических единиц и их комбинаций. Это «расширение» обусловлено особенностями самой поэтической речи: «неканоничностью» коммуникативной ситуации лирического стихотворения [10, с. 199] и способностью концентрировать огромную информацию на небольшом стиховом пространстве [8, с. 36]. Важными здесь являются также следующие положения.

Во-первых, «стихотворение – сложный построенный смысл» и, «входя в состав единой целостной структуры стихотворения, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции» [Там же, с. 38]. Во-вторых, в условиях поэтической речи «помимо своего первичного значения, а также вторичных общеязыковых значений синтаксические единицы могут приобретать переносные, транспонированные значения и функции» [7, с. 4]. И.И. Ковтунова доказывает, что в поэтической речи возрастает «асимметрический дуализм язы-

кового знака в области синтаксиса» [7, с. 88]. По мнению ученого, это происходит «за счет увеличения числа синтаксических позиций для выражения одной функции и увеличения числа функций, выражаемых одной и той же синтаксической позицией» [Там же].

Целью статьи является рассмотрение синтаксических особенностей стихотворения Д. Арбениной «FLY».

Актуальность исследования заключается в том, что оно позволяет увидеть возможности синтаксических единиц в сфере их максимальной реализации – поэтической речи.

Объектом нашего описания являются однородные грамматические ряды в поэтическом тексте.

По сравнению с однородными членами предложения, мы понимаем однородный грамматический ряд более широко. Мы рассматриваем центральные и периферийные случаи. К первой группе относятся ряды морфологически и синтаксически однородных членов. Ко второй группе относятся ряды морфологически однородных членов, выполняющих при этом разные синтаксические функции, а также ряды синтаксически однородных членов, имеющих разную морфологическую принадлежность. Сформулируем понятие однородного грамматического ряда.

К *однородным грамматическим рядам* мы относим последовательности морфологически и / или синтаксически однородных языковых единиц, объединенных композиционной ролью и связанных с определенным приемом построения текста. Часто лексико-семантические ряды в то же время являются морфолого-синтаксическими [5].

Среди однородных грамматических рядов мы выделяем номинативные и инфинитивные ряды, обладающие мощным выразительным потенциалом.

Под *номинативным рядом* мы понимаем последовательность морфологически однородных номинативов, объединенных композиционной ролью и связанных с определенным приемом построения текста. Они могут быть синтаксически однородны, но это не является обязательным. В стихотворном тексте активно функционируют квазиноминативные ряды – ряды винительного падежа, которые в силу стихового членения и характерной структуры стихотворного текста приближаются по своим текстовым признакам к рядам номинативов.

Под *инфинитивным рядом* мы понимаем последовательность морфологически однородных инфинитивов, объединенных композиционной ролью и связанных с определенным приемом построения текста. Синтаксическая однородность элементов ряда возможна, но не обязательна.

Компоненты инфинитивного ряда так же,

как и номинативного, могут быть расположены в тексте дистантно.

Описание таких рядов в русском поэтическом языке представлено в работе «Номинативные и инфинитивные ряды в художественном тексте» [5].

Однородный грамматический ряд в условиях стихотворного текста оказывается вписанным в структуру стихового ряда (горизонтального и вертикального) [13]. Такая упорядоченность компонентов позволяет реализовать дополнительную функцию поэтического текста – функцию *фасцинативности* (завораживания) (термин Гуго Фридриха).

Под *фасцинативностью* мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем «совокупность характеристик текста, превращающих этот текст в объект притяжения для адресата» [6, с. 412].

В данной работе мы проанализируем однородные грамматические ряды как основу фасцинативности стихотворения Дианы Арбениной «Fly».

Поэтический текст Арбениной представлен пятью строфами, четыре из которых структурированы однородными грамматическими рядами. Строфы композиционно связаны повтором «*Я не знаю/знаю, что ты любишь*» в начале 1, 2 и 5 строфы, а также четырехкратным межстрочным повтором «*...подарить тебе*». Дистантно расположенные инфинитивы «*подарить*» образуют вертикальный инфинитивный ряд.

В основе первой строфы стихотворения лежит однородный квазиноминативный ряд, элементы которого соотносятся по принципу перечисления. По формальным признакам это перечислительный ряд с обобщающим словом «*что*», находящийся в отношении объекта при глаголе «*любишь*». Он насчитывает 12 компонентов, соединенных парно союзом «*или*». Последний тринадцатый компонент присоединяется к остальным компонентам ряда бессоюзной связью. Это – незамкнутый перечислительный ряд. С точки зрения смысловых отношений между элементами это – ряд, где элементы объединены в бинарные группы по принципу контраста. Следует обратить внимание на нарушение языковых норм в этой строфе. Э.И. Ханпиря разграничивает «художественные окказионализмы в соответствии с тем, норму какого языкового уровня они нарушают» [17]. Выделяются графические, фонетические, орфографические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и стилистические окказионализмы. В описываемом нами тексте имена собственные *Боно* и *Бритни* написаны с маленькой буквы, что актуализирует значение обобщенности, так как нарицательность нейтрализует индивидуализацию. Один из компонентов ряда представлен английским словом *joint*. Заметим, что заимствование

джойнт в основном функционирует в русском языке в значении “совместное предприятие”. Арбенина актуализирует именно сленговое значение этого слова (“*косяк*”) путем графического оформления латиницей, что поддерживает латиницу в названии.

Отличительной чертой 2, 3 и 5 строф является соположение в одном ряду номинативных и инфинитивных компонентов. Эти компоненты синтаксически однородны. Они входят в перечислительные ряды с обобщающим словом «*что*», занимающие позицию объекта при глаголе «*любишь*» (во 2 и 5 строфе) и глаголе «*подарить*» (в 3 строфе). Таким способом автор нарушает речевую предсказуемость, идя наперекор грамматическому автоматизму. По мысли многих теоретиков лингвистики, нарушение предсказуемости лежит в основе поэтической экспрессивности. Однако не всякие элементы могут гармонично сочетаться в одном ряду. Сопологать так, чтобы читатель не чувствует дискомфорта восприятия. Инфинитивы легко вписываются в один ряд с номинативами благодаря общей языковой природе.

Инфинитив, названный А.М. Пешковским «загадочной по своему современному значению категорией глагола» [11, с. 128], до сих пор остается неразгаданным исследователями. Эта форма неоднозначно интерпретируется, служит источником противоположных мнений при научном анализе самых важных вопросов грамматики, касающихся, например, описания частей речи в русском языке, синтаксиса простого и сложного предложений, категорий модальности, предикативности и т.д. Отгменное происхождение инфинитива [9, с. 194-198], наличие у него специфических, не свойственных финитным формам свойств сочетаемости обусловило расхождение уже при определении его частеречной принадлежности.

В ряде исследований инфинитив выделяется в отдельную часть речи (фортуналовская школа), иногда в большей или меньшей степени исследователи сближали его с именами существительных. Так, А.М. Пешковский характеризует инфинитив как «существительное, не дошедшее на один шаг до глагола» [11, с. 131]. В концепции Шарля Балли «инфинитив ... является транспозицией глагола, позволяющей последнему играть роль существительного» [1, с. 326]. И.Р. Выхованец объясняет отнесенность инфинитива к глаголу лексическим значением, «поскольку он выражает значения действия, состояния и процесса» [3, с. 284] (перевод наш – О.Г.). Важно принять во внимание то, что инфинитив лишен ряда грамматических категорий глагола. Как отмечает В. Скаличка, природа инфинитива не может быть объяснена с учетом лишь отдельных признаков этой формы, которые усматривались «или в отсутствии морфологических свойств глагола, или в отсутствии грамма-

тического значения, или в принятии морфологических и синтаксических свойств имени, в употреблении инфинитива в качестве «второго глагола» в предложении, или в модальной функции инфинитива» (цит. по: [2, с. 4-5]). По мнению В. Скалички, ответ на вопрос о сущности инфинитива следует искать в комплексности его функций. «Инфинитив имеет несколько функций. Первая, основная функция, – дополнение модальных и так называемых фазовых (т.е. со значением начала, конца или продолжения действия) глаголов; к этой основной функции присоединяются следующие моменты: момент отсутствия грамматической функции и элемент модальный. Два других момента обозначают усиление субстантивного характера инфинитива: употребление инфинитива в качестве подлежащего или дополнения и употребление его в качестве обстоятельства» [Там же].

Многие современные ученые полагают, что «в системе частей речи возможны промежуточные образования, которые или распределяются соответствующими группировками между различными частями речи, или представляют собой морфологические двучастеречные общие формы с заложенными в них потенциальными закономерностями закрепления за грамматическими сферами» [4, с. 81] (перевод наш – О.Г.). К таким образованиям относится и инфинитив, который характеризуется как специфическая межчастеречная форма, лишенная четких морфологических характеристик и используемая двумя основными частями речи – глаголом и существительным [Там же]. По мнению И.Р. Выхованца, инфинитив выступает первой (синтаксической) ступенью транспозиции глагола в существительное, при которой закреплённость за сферой имен существительных проявляется в его синтаксических позициях, а принадлежность к глаголу – в использовании с аналитическими синтаксическими морфемами, глагольными модификаторами [Там же].

В.М. Брицын подчеркивает, что анализ инфинитива в составе предложения обнаруживает его отчетливо выраженные предикативные функции, связанные не с названием явлений, как это свойственно, например, отглагольным существительным, а с обозначением проявлений [2, с. 23]. В плане использования инфинитива в предложении обнаруживается регулярная ориентированность этой формы на реальный или потенциальный (обобщенный, неопределенный) субъект.

Встраиваясь в разные контексты, инфинитив актуализирует различные модальные значения. Этот потенциал заложен в нем в силу его особых характеристик.

Описанный Ю.Н. Тыняновым принцип единства и тесноты стихового ряда предопределяет повышенную «тесноту семантических и структурных связей», характерную для стихот-

ворного текста в целом [7, с. 4]. Е.А. Скоробогатова рассматривает действие принципа композиционности Готтлиба Фреге в стиховом единстве [14, с. 15-23]. Этот принцип традиционно формулируется как: «значение сложного выражения есть функция значений его частей и синтаксических правил, их соединяющих». Е.А. Скоробогатова, распространяя принцип композиционности на стиховый ряд, формулирует следующий тезис: «значение сложного стихового выражения является функцией значений его частей и способа их связи» [14, с. 16]. Правила связи в стиховом ряду более сложные, чем в обычном предложении, так как здесь вступают в силу не только синтаксические, но и ритмомелодические, ассоциативные, звуковые, а также интертекстуальные связи, присущие именно поэтическому тексту. Такие связи «формируются не только между компонентами предложения, но и за его пределами» [14, с. 16]. Как следствие, «грамматические сопоставления в поэтическом тексте не в меньшей степени подчинены структуре и ритмомелодике, чем другие его конституэнты» [Там же, с. 17]. Именно в поэтическом тексте соположения разных типов актуализируют семантику единиц и их комбинаций не только при контактной локализации или при локализации их в структуре одного предложения, но и в пределах горизонтального и вертикального ряда [15].

Основная антиномия поэтической речи, как указывает И.И. Ковтунова [7, с. 3], проистекает из парадоксальной позиции говорящего, которая совмещает два противоположных начала: это, с одной стороны, «речь для себя» (внутренняя речь), и, с другой, сложно организованный письменный текст, рассчитанный на постороннего адресата. Этим предопределяется структура стихотворных текстов, в которых высокая степень упорядоченности, касающаяся всех уровней его организации, сочетается с возможностью вводить элементы спонтанной речи. Для лирики, в частности, характерными являются такие языковые черты, которые моделируют внутреннюю речь, иногда поток сознания.

В стихотворении Дианы Арбениной, с нашей точки зрения, контаминированные номинативно-инфинитивные ряды являются грамматической основой воссоздания внутренней речи лирического героя, моделируют поток сознания.

Во 2 строфе однородный грамматический ряд представлен 14 компонентами, из которых 2 – инфинитивы. На уровне лексики автор вновь прибегает к нарушению языковой нормы, графически уравнивая имена собственные *Джомолунгма*, *Ван Гог* и *Репин* с нарицательными. Перед нами закрытый перечислительный ряд с союзом *или* перед последним компонентом. Все компоненты ряда соединены в бинарные группы с союзами *или* по принципу смыслового контраста. Два инфинитив-

ных члена образуют аналогичную пару: *только говорить или только слушать*.

В 3 строфе однородный номинативно-инфинитивный ряд состоит из 12 членов, 4 из которых – инфинитивы, соединенные в две бинарные группы по принципу контраста: *трахаться в подвезде/петь в церковном хоре* (бессоюзная связь) и *дергать стоп-кран или следовать политике* (связь при помощи союза *или*). Структура ряда в целом аналогична структуре ряда предыдущей строфы. Но количество союзов *или* внутри бинарных групп заметно уменьшается. Если во 2 строфе их 7, то в 3 – 3. Бессоюзная связь между компонентами ряда передает нарастающую динамику повествования.

В последней 5 строфе смешанный номинативно-инфинитивный ряд объединяет 15 членов. Это – самый насыщенный по количеству элементов однородный грамматический ряд данного стихотворения. Он превышает Миллерово число (7±2), характеризующее объем оперативной памяти человека [12]. Внутри ряда присутствует композиционный повтор (*я знаю, что ты любишь*), разбивающий ряд на две части – семи- и восьмичленную. В первой части соплагаются один инфинитивный и шесть номинативных членов. Во второй – два номинативных и шесть инфинитивных членов. В первой части связь между членами осуществляется при помощи союза *и* (между 1 и 2, а также между 4 и 5 членами ряда). Между 2 и 3, 3 и 4, 5 и 6, 6 и 7 членами связь является бессоюзной. Заметим, что союзами в бинарные группы соединены номинативы. Смысловой оттенок логического противопоставления здесь исчезает. Во второй части ряда номинативные члены локализируются в первом стихе и соединяются союзом *чем*. Инфинитивные члены располагаются по одному в каждом стихе, между ними устанавливается бессоюзная связь. Вторая часть по структуре является незамкнутым перечислительным рядом. Эта строфа, как нам представляется, является наиболее динамичной и отличается смысловой плотностью. Здесь рассуждения 1,2 и 3 строк сменяются событийностью. С точки зрения грамматики однородный грамматический ряд, который переходит в инфинитивный ряд в заключительной части стихотворения.

Как следует из рассуждений В. Теркулова, глагол рисует ситуацию [16], в то время как существительное называет понятие, предмет. Способность глагола, в том числе инфинитива, описывать ситуации позволяет перемежать в одном смысловом ряду понятия и ситуации, соплагая в нем инфинитивы и номинативы. Инфинитивы, лишь «мерцающие» в ряду на фоне номинативов в первых строфах стихотворения, полностью доминируют в заключительной части. Так возникает выразительный эффект движущегося ряда.

С нашей точки зрения, здесь можно говорить об инерции смыслового развертывания. Графически автор оставляет перечислительный ряд без знаков препинания, в том числе и в конце последнего стиха, предшествующего коде (*Я хочу все это подарить тебе!*). Таким образом, читатель получает свободу творчества и может по-своему продолжить ряд, предложенный поэтом.

Как показывает анализ, однородные грамматические ряды являются языковой основой фасциативности поэтического текста Дианы Арбениной. Особенностью рассмотренного стихотворения является функционирование в нем особого типа однородного грамматического ряда, а именно синтаксически однородного номинативно-инфинитивного контаминированного ряда. Это позволяет создать эффект движущегося ряда.

Перспективой исследования является рассмотрение контаминированных номинативно-инфинитивных рядов в текстах других современных поэтов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балли Шарль. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В.М. Брицын. – К.:Наук. думка, 1990. – 318 с.
3. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / І.Р. Вихованець. – К.: Наук. думка, 1988. – 255 с.
4. Вихованець І.Р. Теоретична морфологія української мови / І.Р. Вихованець, К. Горденська. – К.:Пульсари, 2004. – 398 с.
5. Голікова О.М. Номіна́тивні та інфі́нітивні ряди в художньому тексті: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 „Російська мова” / Оксана Миколаївна Голікова – Харків, 2011. – 20 с.
6. Карасик В.И. Языковые ключи /В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.

7. Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации / И.И. Ковтунова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 3–14.

8. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха/ Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.

9. Мейе А. Общеславянский язык / А. Мейе. – М.:Изд.Иностр.лит., 1951. – 492 с.

10. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. (Материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 292 с.

11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1951. – 511 с.

12. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К., 2006. – 203 с.

13. Скоробогатова Е.А. Вертикальный грамматический ряд в структуре поэтического текста / Е.А. Скоробогатова // Русская филология. Украинский вестник. – 1999. – № 1 – 2. – С. 94 – 95.

14. Скоробогатова Е.А. Распространение принципа композициональности Готлоба Фреге на стиховой ряд / Е.А. Скоробогатова // Филологический сборник: сб. науч. ст. – X., 2010. – Вып. 9. – С. 15 – 23.

15. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Елена Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.

16. Теркулов В. К определению глагола: лингвально-когнитологический подход / Вячеслав Теркулов // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Вип. 26. – 316 с. – С. 60 – 65.

17. Ханпиря Э.И. Оказиональные элементы в современной речи / Э.И. Ханпиря // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). – М.: Наука, 1972. – С. 245 – 317.